

Изъ этого узнали, что она супруга царевича, и удивлялись, откуда у ней выросли руки. Царевна тогда рассказала, какъ ей помогла щука. Обрадовались и

отправились во дворецъ, а Бабу-Ягу привязали къ лошадинымъ хвостамъ и разорвали.

На морѣ, на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ
стоитъ быкъ печеный: въ задѣ чеснокъ тол-
ченый, съ одного боку-то рѣжь, а съ дру-
гого—мокай да ѣшь.

Е р ш ъ.

Былъ ершъ, — клеветникъ и ябед-
никъ. Просился онъ у мелькія рыбицы,
у пескозобицы, карася толстобрюхова
въ Ростовское озеро ночь переночевать
и разогналъ онъ всѣхъ по тинамъ и по
болотинамъ: ельца — на стрѣльца, со-
рогу — на дорогу. Ростовское озеро сво-
имъ называетъ и говоритъ, што есь у
меня въ Ростовскомъ озерѣ дворишко,
во дворишкѣ, и въ этомъ дворишкѣ—
коробишко, въ коробишкѣ. Есь, въ томъ
коробишкѣ, пути и намети, государевы
грамоты на Ростовское озеро. Вотъ онѣ
послали карасиша толстобрюхова съ
жалобой къ шшукѣ—бѣлугѣ, къ судѣ
праведной, къ слугѣ государевой. Палъ
карась на колѣнки: разсуди нашо дѣло,
мать наша шшука-бѣлуга, судья пра-
ведна, слуга государева, напросился къ
намъ еще клеветникъ и ершъ ябедникъ
въ Ростовское озеро — ночь переноче-
вать, день передневать, и живетъ онъ
нидѣлю и живетъ онъ другую и насъ
мелку рыбицу и пескозобицу и карася
толстобрюхова, разогналъ по тинамъ и
болотамъ; Ростовское озеро своимъ на-
зывать, и пути и памяти объявлять.—

Поди, сказала шшука-бѣлуга, пускай
ершъ несетъ ко мнѣ пути и памяти. Не
послушался карася толстобрюхова ершъ
ябедникъ, а отвѣтилъ только: пошолъ
отъ меня, не съ тобой мнѣ ричь гово-
рить и отвѣты держать. Послали за ер-
шомъ осетриша — большую головиш-
шу, взяли этова ерша-квеветника, ерша-
ябедника и потащили ево нечесно,—гдѣ
рука, гдѣ нога,—къ шшукѣ-бѣлугѣ, къ
судѣ праведной, къ слугѣ государевой.
Завелъ осетра ершъ въ неводъ и самъ
вырвался — убѣжалъ. По счесью, у не-
вода была гнила матица, изъ которой
осетришо — большая головишша еле
выбился, какъ гнилая колодина, и побѣ-
жалъ опять онъ за ершомъ, догналъ ево
на дорогѣ и утащилъ нечесно къ шшукѣ-
бѣлугѣ, къ судѣ праведной, къ слугѣ
государевой. Стала шшука ерша спра-
шивати: какъ ты, ершъ, смѣлъ Ростов-
ское озеро своимъ называть и добрыхъ
жильцовъ изъ него вонъ разгонять? Есь
у меня на Ростовское озеро пути, па-
мяти, государевы грамоты.—Что-же ты
не несъ ихъ суда съ собой?

— Не несъ, вотъ почему, шшука-бѣлуга — судья праведна, слуга государева — што когда горѣло синее море и Ростовское озеро, тогда сгорѣли мои пути, памяти, государевы грамоты.

— Кто-жо были у тебя на пожарѣ?

— Былъ на пожарѣ нагимишко — большая головишша, коему пала въ лобъ тогда головня, отъ того у него и лобъ черенъ; былъ окунь, — опалило у ево переперья, отъ того онѣ и красны; былъ чебакъ, у которова сожгло глаза, отъ того онѣ не безъ петна.

Собрали свидѣтелей къ суду — шшукъ, спросила она ихъ о пожарѣ. Што ты, говорятъ, шшука-бѣлуга, судья праведная, слуга государена, — гдѣ слыхано,

штобы сине море горѣло и огонь воду жралъ? Стали набираться люди, штобы посмотрѣть ерша диковиннова; пришолъ Андрюха и на ерша зрюхалъ, пришолъ Клиша — ударилъ ерша клиномъ, пришолъ Якимко и бросилъ ерша въ мякину, пришолъ Ома и потащилъ ерша въ омутъ, пришолъ Оекля и ставилъ на ерша петлю, пришолъ Исакъ и поймалъ ерша на сакъ, пришолъ Оедотъ — ершъ отъ ужъ не тотъ, позвали Дороню — потащилъ ерша на дорогу, пришолъ Елецъ и потащилъ ерша на крылецъ, пришолъ Назаръ и потащилъ ерша на базаръ, прошолъ Елеса и оцѣнилъ ерша въ два гроша, пришолъ Давыдъ и зачалъ ерша давить, пришла Ненила и объ ершѣ повыла и подъ послѣдъ пришолъ Сава и вынялъ изъ ерша три пуда сала.

Мизгирь.

Въ старые года, въ первоначальные времена, учинилась ромода — въ краю, на болотѣ. Мухи, комары завоевали, по бездѣлицѣ забраковали, — что не лучшаго ловца, борца — мизгаря въ дѣло не ставятъ; а мизгирь сталъ сердиться да весьма ретиться, сталъ онъ ножками трести да мерешки плести. Не откуль взялась и прилетѣла оса — нага и боса и безъ пояса — и чуть она не пала, къ мизгарю въ сѣти попала. А мизгирь — онъ началъ ее бить да губить и за горло давить; а оса-то скачетъ и смѣшно плачетъ: тошно мнѣ да моей головѣ, на чужой сторонѣ! Краше бы мнѣ жить во своей слободѣ, а суды бы мнѣ не метаться и суды бы

мнѣ не бросаться... Ахъ, ты, нашъ батюшко мизгирь! мы люди вольны, головушки наши больны, а дѣти мои малы, — безвинно погибнуть. На то мизгирь не глядя, отвертѣлъ ось голову, какъ козлу Собиралися на погребенье весь честной крылось; а паутъ — зеленая голова былъ честнымъ господиномъ — попомъ; строка не кошна — дьякономъ; муха зелена — дьячкомъ; а комаръ — пономарь; а мошка грезна — просфирня была. И тутъ они осу чесно отпили, мертвые кости похоронили и сами все въ разные стороны полетили. И потомъ стакались, сговорились ребята — удалые головы; шершень да паутъ — зеленая голова, жукъ толстой,